

ИВАН ПОСОШКОВ КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (К 290-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ)

Ю.В. ЛАТОВ,

доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Научного центра,
Академия управления МВД России, г. Москва,
e-mail: latov@mail.ru

Написанная почти 300 лет назад «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова является первым в России произведением, специально посвященным комплексному анализу социально-экономических проблем. Хотя в научной литературе стало общепринятым причислять И.Т. Посошкова к меркантилистам, более правомерным является сопоставление «Книги о скудости и богатстве» с «государевой литературой» восточных обществ азиатского способа производства. Подобно авторам «Гуань-цзы» или «Артхашастры», И.Т. Посошков рассматривал макроэкономические проблемы с точки зрения, прежде всего, государственных интересов. В «Книге о скудости и богатстве» отразилось представление автора о нормативности институтов власти-собственности, подчиненности им институтов частной собственности. Книга И.Т. Посошкова ярко отражает одну из тенденций российской модернизации — стремление бороться с негативными проявлениями рыночной экономики путем усиления этатизма, в результате чего «провалы государства» нередко превосходят «провалы рынка».

Ключевые слова: история экономической мысли; азиатский способ производства; власть-собственность; меркантилизм; институционализм; модернизация; догоняющее развитие; отчуждение государства от общества.

IVAN POSOSHKOV AS THE MIRROR OF THE RUSSIAN MODERNIZATION (TO THE 290 ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN ECONOMIC SCIENCE)

Y.V. LATOV,

Doctor of Sociology (DSc), Candidate of economic sciences (PhD),
Associate Professor, Leading staff scientist, The Centre of Science,
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow,
e-mail: latov@mail.ru

Written almost 300 years ago, «A treatise on poverty and wealth» by I.T. Pososhkov was the first Russian paper intentionally devoted to the complex analysis of socio-economic issues. Conventionally included among the mercantilists, I.T. Pososhkov is rather considered to be compared with the authors of «governor's literature» of the Eastern Societies characterized by the Asiatic mode of production. Likewise the authors of «Kuan-tzu» and «Arthashastra», I.T. Pososhkov dealt with the macroeconomic issues from the viewpoint of state's concern. In «A treatise on poverty and wealth» the author's conception of power-property institutions' normativity had been reflected, along with the idea of subjection of private property institutions to the power-property institutions. A treatise by I.T. Pososhkov highlights one of the features of the modernization process in Russia — a tendency to fight against the negative occurrence of the market economy by means of etatism reinforcement, which frequently results in excessive «state failure» compared to «market failure».

Keywords: *history of economic thought; Asiatic mode of production; power-property; mercantilism; institutionalism; modernization; catch-up growth; alienation between the government and the population.*

JEL classification: *A11, B25, N35, O10.*

Крестьянина-предпринимателя Ивана Тихоновича Посошкова (1652–1726) считают первым российским экономистом. Для этого есть серьезные основания: его «Книга о скудости и богатстве» (1724) действительно является первым произведением российской общественной мысли, специально посвященным более или менее комплексному анализу социально-экономических проблем, — торговле, сбору налогов, крепостничеству, регулированию денежного обращения и т. д.¹

Для присвоения Посошкову почетного звания основоположника российской экономической науки есть, правда, одно существенное препятствие. Дело в том, что его экономический трактат почти сразу после написания «утонул» в архивах Тайной канцелярии и был слабо известен современникам и последующим поколениям россиян вплоть до 1842 г., когда его впервые опубликовали. Однако можно привести близкий пример: основоположника классической политэкономии Вильяма Петти (1623–1687) современники и ближайшие потомки знали в основном как статистика, слава выдающегося экономиста-теоретика пришла к нему лишь в XIX в. Хотя ни В. Петти, ни его младший современник И.Т. Посошков не создали научных школ и не оказали своими экономическими сочинениями сколько-нибудь существенного влияния на современников², их по праву считают «первопроходцами» экономической науки, отразившими важные тенденции экономической культуры своих стран в эпоху генезиса капитализма. Поэтому в следующем году 24 февраля (именно этой датой И.Т. Посошков подписал свою книгу) российские экономисты могут по праву отмечать 290-летие рождения отечественной экономической науки.

Жизненный путь первого отечественного экономиста можно рассматривать как шаблон, под который «равнялись» биографии многих последующих экономистов России (например, А.В. Чаянова): новаторские идеи — попытки «образумить» власть имущих — отчуждение от власти — репрессии — забвение современниками — открытие потомками — посмертная слава. Выходец из сословия государственных крестьян, И.Т. Посошков на протяжении всей своей жизни активно занимался «прожектерством» в самых разных сферах — изобретал «огнестрельные рогатки», организовывал чеканку денег, открывал винокурные предприятия, занимался откупам, обличал старообрядцев, пытался наладить выпуск игральные карты, разведывал полезные ископаемые, подавал проекты царским сподвижникам. Хотя многие его предпринимательские «прожекты» кончались неудачей, к концу жизни И.Т. Посошков смог стать умеренно состоятельным владельцем дома в Петербурге, имения и нескольких десятков крепостных крестьян. Подводя своеобразный итог своей жизни, в начале 1720-х гг. он пишет «Книгу о скудости и богатстве», свод размышлений и рекомендаций по актуальным макрохозяйственным проблемам. В 1725 г. автор отправил свою книгу императору Петру I, через несколько месяцев И.Т. Посошков был арестован (предположительно, именно за «крамольную» книгу) и умер в Петропавловской крепости.

В отечественном посошкововедении³ принято обычно причислять Посошкова к меркантилистам, поскольку «Книга о скудости и богатстве» рекомендует запретить вывоз за границу серебряной монеты, а также больше продавать за рубеж и меньше покупать заграничных товаров, как того требовали и западноевропейские меркантилисты⁴. Нередко подчеркивают, что Посошков во многом стоит выше западных меркантилистов, на уровне ранних экономистов-классиков, так как

¹ Памятники российской экономической мысли, предшествующие «Книге о скудости и богатстве» (прежде всего, дискуссия иосифлян и нестяжателей о церковном землевладении, произведения Ивана Пересветова), рассматривали экономические сюжеты исключительно в контексте более крупных социальных проблем — прежде всего, о границах самодержавной власти.

² Экономическая наука как устойчивый институт (с включенностью в систему вузовского преподавания, регулярным изданием монографий и учебников, формированием специфического понятийного аппарата) формируется в Западной Европе только со времен Адама Смита (с конца XVIII в.), а в России — со времен Х. Шлецера и А.К. Шторха (с начала XIX в.).

³ Хотя есть много научных работ, посвященных в той или иной степени анализу экономических взглядов И.Т. Посошкова, однако их большинство опубликованы более чем 50 лет назад и потому не вполне соответствуют современным взглядам на историю экономической мысли. Наиболее новой монографической работой, специально посвященной И.Т. Посошкову как экономисту, является изданная почти 25 лет назад брошюра Д.Н. Платонова (*Платонов, 1989*).

⁴ В первом советском издании книги Посошкова в 1937 г. дана оценка, что «Книга о скудости и богатстве» является наиболее ярким и оригинальным литературным выражением меркантилизма в России в первой четверти XVIII века» (*Кафенгауз, 1937*. С. 35). В более позднем издании 1951 г., во времена «критики космополитизма», эта оценка приобрела еще более утрированную форму: «И.Т. Посошков является одним из крупнейших представителей меркантилизма не только в русской, но и в мировой литературе. Он превосходит западноевропейских меркантилистов широтой мысли...» (*Кафенгауз, 1951*. С. 309). В последующий период из научной литературы ушли утверждения, будто «русский меркантилизм» Посошкова есть вершина меркантилистской мысли, однако причисление Посошкова к «русскому меркантилизму» сохранилось до наших дней.

автор «Книги о скудости и богатстве» считал богатством (подобно В. Петти) не только деньги и материальные ценности, но также и людей. Даже название его книги перекликается с «Богатством народов» А. Смита. Поскольку Посошков подчеркивал большое экономическое значение институциональных факторов (морали, правосудия), то его называют также предтечей институционалистов.

Причисление Посошкова к меркантилистам или к экономистам классического направления явно или неявно опирается на уподобление истории России истории Западной Европы. Считается, что, переживая одинаковые с Европой стадии развития, российское общество должно было порождать сходные экономические теории, даже если первый русский экономист заведомо не был знаком с зарубежным обществоведением и вообще отрицательно относился к Западу⁵. Но если признать Россию раннего нового времени страной с существенными чертами «восточного деспотизма»⁶, то можно предложить поискать черты сходства «Книги о скудости и богатстве» не с западной, а с восточной традицией экономической мысли. Однако на параллели его идей с восточной докапиталистической литературой о государственном хозяйстве (типа «Гуань-цзы», «Архашастры» или «Сиясет-наме») никто до сих пор внимания не обращал. Даже Г.В. Плеханов, проанализировавший «Историю русской общественной мысли» (1909–1918) с позиций теории «восточного деспотизма», этой параллели не проводил, поскольку при его жизни экономическая мысль докапиталистических обществ Востока была еще практически неизвестна⁷. Между тем есть веские основания утверждать, что «Книга о скудости и богатстве» объективно относится к жанру «государевой литературы» — советам «восточному» правителю, как обеспечить процветание государства.

Традиционным восточным обществам (особенно, китайскому) хорошо знаком жанр трактатов о том, как следует обеспечить «правильное» государственное хозяйство. Общим лейтмотивом таких трактатов является представление о почти безграничных возможностях мудрого правителя страны, поскольку он может по своей воле распоряжаться всеми ресурсами — землей, людьми и всем остальным. В экономической мысли Западной Европы такого дискурса никогда не было, поскольку в западной цивилизации государство ни в античности, ни в средние века не претендовало на роль верховного собственника. Сущность же поземельных отношений в России раннего нового времени лаконично изложена И.Т. Посошковым следующим образом: «...Земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная...» (Посошков, 1951. С. 222). Аналогично оценивал И.Т. Посошков и крепостнические отношения: «Крестьянам помещики не вековые владельцы... а прямой их владелец всероссийский самодержец, они [помещики] владеют временно» (Посошков, 1951. С. 178). Такое представление о подчиненности частно-помещичьего владения верховной государственной собственности (и вообще априорной подчиненности частных интересов государственным) является веским доказательством принадлежности «Книги о скудости и богатстве» скорее к восточной культуре доминирования власти-собственности, чем к западной культуре частнособственнических отношений.

В принципе, конечно, западные политэкономы тоже рассуждали о том, «как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему...». Только в западной традиции под государством подразумевается сообщество граждан, которому служит государственный аппарат. В восточных же обществах «государство сильнее, чем общество» (К.-А. Виттфогель), класс подданных служит государству-классу. Поэтому восточные мыслители под богатством государства понимали в первую очередь пополнение госбюджета, а не недостаток подданных (хотя нередко подчеркивали, что второе является основой первого)⁸. Причисление И.Т. Посошкова к меркантилизму возможно лишь в том случае, если трактовать меркантилизм только как идеологию государственной регламента-

⁵ Совершенно неизвестно, какое именно образование получил первый русский экономист. Вероятнее всего, он был полным самоучкой; из литературы по экономической тематике ему был знаком, видимо, только «Домострой» Сильвестра.

⁶ Подробнее см. (Нуреев и Латов, 2011).

⁷ В современном обществоведении оценка экономических воззрений И.Т. Посошкова, во многом близкая к плехановской, звучит в работах С.Г. Кирдиной, которая справедливо отмечает, что Посошков рассматривал не рыночную, а «другую» экономику (Кирдина, 2003).

⁸ Рассмотрение И.Т. Посошковым проблем «скудости и богатства» именно государства, а не общества, подчеркивается, например, тем большим вниманием, которое в его трактате уделено «воинским делам». Ведь в «Книге о скудости и богатстве» раздел «О воинских делах» дан в самом начале, сразу после раздела «О духовности», задолго до чисто экономических рассуждений «О купечестве», «О крестьянстве», «О земельных делах» и «О царском интересе». Рассуждения Посошкова о преимуществах прицельной стрельбы (в сравнении с залповой) трудно отнести к экономическим даже при предельно широкой, «гипер-институциональной», трактовке границ экономической мысли. Зато если принять во внимание, что Посошков рассуждал о проблемах, которые волновали именно сподвижников Петра I (но вовсе не обязательно — подданных империи), то все становится закономерным. Ведь для самого Петра I регулирование налогов, торговли и т. д. имело смысл, в первую очередь, как элемент обеспечения эффективной армии. Поэтому и в книге Посошкова внедрение в армии прицельной (снайперской, как мы бы сказали) стрельбы рассматривается как инновация, не менее важная для государства, чем сокращение импорта или замена серебряной монеты медной.

ции рыночного хозяйства (именно такое упрощенное понимание меркантилизма звучит, например, в «Ином пути» Э. де Сото).

Критика крепостного права и помещичьего землевладения дается И.Т. Посошковым также с позиций защиты интересов не общества, а государства. По его мнению, «крестьянское богатство — царственное богатство» (Посошков, 1951. С. 178), поэтому он призывал к строгой государственной регламентации взаимоотношений крестьян и помещиков. Те, кто интерпретирует взгляды И.Т. Посошкова в духе западной традиции экономической мысли, видят в предлагаемой им системе «государственного крепостничества» ограничение феодальной эксплуатации. Но аналогичные призывы к ограничению произвола частных землевладельцев, которые разоряют крестьян и тем самым лишают государство налогоплательщиков, легко найти, например, в средневековых китайских трактатах. Поэтому можно утверждать, что критика помещичьих хозяйств дана И.Т. Посошковым с позиций не будущего капитализма, а прошлого азиатского (государственного) способа производства. Ведь для стран «азиатского деспотизма» типично постоянное противоборство централизованной государственной власти и частных землевладельцев по вопросу о соотношении их прав на произведенный крестьянами прибавочный продукт; традиционная восточная общественная мысль постоянно обличала «феодалов», чрезмерно эксплуатирующих крестьян вопреки государственным интересам.

Личный предпринимательский опыт И.Т. Посошкова заставлял его обращать большое внимание на проблемы российского купечества. В «Книге о скудости и богатстве» он возмущается, в частности, тем, что иностранные купцы, приезжая в Россию «с своими безделками», монопольно устанавливают на них «двойную, а иным товарам и выше двойные цены», а российские товары стремятся скупать за бесценок (Посошков, 1951. С. 122–123). Но его рекомендации направлены вовсе не на стимулирование свободной конкуренции, а на государственную регламентацию цен и торговли: «И буде взял цену не против настоящих цены излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штраф ... и высечь батоги или плетью, чтоб впредь так не делал. [...] А буде кто, хоть на один рубль дерзнет приежжим иноземцам продать какова нибудь товара, без воли вышнего своего командира, то взять на нем штраф ... и наказанье учинить кнутом ...» (Посошков, 1951. С. 119, 120). Это напоминает скорее советскую борьбу со спекуляцией (разве что в СССР спекулянтов не секли), чем защиту национального рынка. В Китае аналогичные предложения о нормировании цен высказывались еще авторами «Гуань-цзы» в III в. до н. э.

Логическим продолжением представлений о первичности государственных интересов и всеисилии государственной власти были номиналистические идеи И.Т. Посошкова о денежном обращении. Он утверждал, что царь может заставить подданных использовать в качестве денег монеты из самого дешевого металла. По поводу же западноевропейских денежных систем он считал, что «то стало быть королю бесчестье, а не честь, что не по имени его деньги в себе силу имеют, но по купеческой цене» (Посошков, 1951. С. 239). Как известно, мыслителями Западной Европы еще в XVI в. был сформулирован так называемый закон Коперника-Грешема («плохие деньги вытесняют хорошие») об объективных закономерностях денежного обращения, которые не может изменить никакой король. В своих представлениях о регулировании денежного обращения И.Т. Посошков оказался ниже уровня не только западноевропейской науки XVI в., но и восточной средневековой экономической мысли, которая на основе длительного исторического опыта тоже отрицала право правителя произвольно определять ценность денег⁹.

Атрибутация идей И.Т. Посошкова как идеологии «восточного деспотизма» находится, как может показаться, в вопиющем противоречии с его социальным статусом предпринимателя, немало потерпевшего в своей жизни от государственной бюрократии. На самом деле это противоречие мнимо: в обществах «восточного деспотизма» государство часто покровительствовало купцам; в странах догоняющего развития бизнес также развивается, как правило, под опекой «просвещенного» государства и вовсе не покушается (по крайней мере, на первых порах) на традиционные государственные устои. Личная трагедия И.Т. Посошкова (и многих других российских предпринимателей петровской эпохи) в том, что он надеялся получить государственное покровительство (как, скажем, Демидовы), но получал от власти в основном лишь палки в колеса, что, однако, отнюдь не охладило его надежд на благотворность государственного регулирования. В то же время, безусловно надо признать определенную необычность того, что самый яркий образец российской «государевой литературы» оставил человек, стоящий вне государственного аппарата управления.

Сопоставление идей И.Т. Посошкова с докапиталистическими традициями осмысления экономических проблем автоматически снимает причисление «Книги о скудости и богатстве» к идущему от

⁹ Незнакомство самоучки И.Т. Посошкова с идеями зарубежных мыслителей о деньгах вполне закономерно. Менее понятно, почему он не учел уроки московского Медного бунта 1662 г., который проходил буквально на его глазах (Посошков родился в подмосковном селе Покровское). Видимо, идеологический посыл о всемогуществе царской власти заставлял его игнорировать некоторые «неудобные» факты — в частности, провал попыток ввести в царской России деньги, не имеющие «купеческой цены».

Т. Веблена и Р. Коуза институционализму, развитие которого органически связано с *посткапиталистическими* тенденциями общественного развития. Ведь как для западных, так и для восточных до-буржуазных обществ типично осмысление экономики *всегда* в нерасчлененном единстве с моралью, политикой, правом и прочими социальными институтами. Развитие экономической науки подчиняется диалектическому закону отрицания отрицания, поэтому в экономической науке новейшего времени появляются такие подходы, которые отсутствовали в политической экономии нового времени, но были общепринятыми в экономической мысли древности и средневековья. Поэтому, соглашаясь в принципе с выводом Д.Н. Платонова о «ярко выраженном институциональном характере» идей И.Т. Посошкова¹⁰, следует уточнить, что здесь проявились не столько «национальные особенности русской экономической мысли», сколько формационные особенности развития российской цивилизации.

У посошковского «институционализма» есть, безусловно, и «национальные особенности», но к ним надо отнести не преобладание социально-этических подходов (это — типичная черта всей добуржуазной экономической литературы), а, например, повышенное внимание к вопросам регулирования торговли. Если авторами классических образцов «государевой литературы» торговля рассматривалась как заведомо второстепенный вид хозяйственной деятельности, то И.Т. Посошков указывал, что «без купечества никакое, не токмо великое, но ни малое царство стояти не может» (*Посошков, 1951. С. 113*). Это можно объяснить тем, что российская экономическая мысль формировалась в условиях не доминирования институтов власти-собственности, а их отмирания. Поэтому в «Книге о скудости и богатстве» патриархально-этактистская идеология уживается с признанием полезности и необходимости рынка (точнее, государственно-регламентируемого рынка) как важного элемента государственного хозяйства.

Давно отмечено, что критиковать существующий общественный строй можно двояким образом — либо требуя создания нового общественного строя, либо предлагая вернуться к идеализированному старому строю. Критика в обоих случаях может быть обоснованной, но только в первом случае она будет по-настоящему плодотворной. Следует в общем согласиться с Г.В. Плехановым, который считал, что Посошков был «московским прогрессистом, то есть ...выставляя некоторые действительно полезные для народа и в этом смысле прогрессивные требования, он оборачивался лицом не к будущему, а к прошедшему» (*Плеханов, 1925. С. 116*).

В плехановской оценке требует уточнения суждение о прогрессивности идей И.Т. Посошкова. Если бы в Российской империи государство вдруг стало реализовывать посошковскую программу реформ, то в условиях России первой половины XVIII в. некоторые из инноваций (ограничение помещичьей эксплуатации, импортозамещающее производство) стали бы стимулом развития, в то время как другие (размыывание прав частной собственности, регламентация цен, использование неполноценных денежных знаков), несомненно, тормозили бы становление рыночной экономики. Примерно в таком режиме «вперед-назад», кстати говоря, российское государство XVIII в. реально и осуществляло модернизацию страны. Расхождения между И.Т. Посошковым и «птенцами гнезда Петрова» заключались в понимании того, в каких направлениях надо идти вперед, а в каких — назад. (Например, идея развития импортозамещающего производства вполне разделялась и реализовывалась на практике Петром I и его сподвижниками, а вот идею ограничения крепостнической эксплуатации они категорически не разделяли.) Самое главное, книга Посошкова вызвала репрессии против автора и считалась «подозрительной» даже в XIX в.¹¹, поскольку власть имущими его критические (хотя и вполне «благонамеренные») замечания рассматривались как покушение на их монополию принятия решений.

Экономические идеи И.Т. Посошкова хорошо отражают одну из особенностей экономической мысли в странах догоняющего развития: когда правящая элита начинает прозападную копирующую модернизацию, то вызванное этим недовольство значительной части народных масс порождает сильное желание отказаться от копирования «прогнившего» Запада и развивать старые национальные хозяйственные традиции. Это желание особенно усиливается в силу того, что поверхностно вестернизированная политическая элита монополизирует управление и нетерпимо относится к тенденциям спонтанной модернизации «снизу». В России в конце XIX в. позицию, похожую во многом на точку зрения И.Т. Посошкова, зани-

¹⁰ «...Первые отечественные экономисты Посошков и Татищев... стали родоначальниками национальной школы экономической науки, где социально-этические черты стали преобладающими. Посошков, как и Татищев, не были ни меркантилистами, ни предтечами физиократической доктрины... В связи с этим необходимо поставить проблему национальных особенностей русской экономической мысли. Специфическое положение отечественных ученых в мировой экономической мысли обусловлено тем, что многих из них трудно причислить (по ряду критериев) к представителям традиционного (ортодоксального) экономического направления. Многие российские ученые полагали и полагают, что экономика не может быть абсолютно самостоятельной, самодовлеющей системой, полностью определяющей общественные отношения. В связи с этим можно обратить внимание на то, что идеи очень многих ученых России XVIII—начала XX вв. носили ярко выраженный институциональный характер» (*Платонов, 1997*).

¹¹ В 1842 г. цензура долго не пропускала книгу И.Т. Посошкова в печать, для публикации «Книги о скудости и богатстве» потребовалось личное разрешение императора Николая I.

мали либеральные народники (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон), а в начале ХХI в. — прокоммунистические критики российского капитализма (А.П. Паршев, С.Г. Кара-Мурза). Поэтому можно сказать, что идеи И.Т. Посошкова и его личная судьба отражают противоречия и проблемы не только петровской модернизации, но всей трагической почти 400-летней истории модернизации российского общества.

Убедительность критики И.Т. Посошковым и «московскими прогрессистами» последующих времен негативных сторон формирования национального рыночного хозяйства не должна закрывать сомнительную прогрессивность их позитивных программных требований, направленных на создание улучшенного варианта объективно отжившего общественного строя. Широкое распространение в научной среде (и шире — среди интеллигенции) таких «ново-старых» воззрений является одной из причин взаимного отчуждения правящей элиты и научного сообщества. Политики и бюрократы не желают слушать мнения ученых, многие из которых зовут к «светлому прошлому», а ученые, разочаровавшись в правительственном режиме, все чаще его критикуют, вспоминая о действительных и мнимых положительных сторонах «старого режима». Через попытки сделать будущим пережитое, казалось бы, прошлое прошли многие страны «третьего мира» (например, Иран после исламской революции, Камбоджа при «красных кхмерах»), и в современной России тоже есть такая тенденция.

ЛИТЕРАТУРА

Кафенгауз Б.Б. (1937). И.Т. Посошков, его жизнь и социально-экономические воззрения / В кн. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Государственное социально-экономическое издательство.

Кафенгауз Б.Б. (1951). И.Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I / В кн. *Посошков И.Т.* «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. М.: Изд-во АН СССР.

Кирдина С.Г. (2003). Преемственность в российской экономической мысли — от Посошкова до институционализма / В кн. *Очерки истории российской экономической мысли.* Абалкин Л.И. (ред.). М.: Наука. Доступно на: <http://www.kirdina.ru/doc/public/22august03/1.pdf>.

Нуреев Р.М. и Латов Ю.В. (2011). Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории). *Мир России*, т. 20, № 4, с. 24–67.

Платонов Д.Н. (1989). Иван Посошков. М.: Экономика.

Платонов Д.Н. (1997). Начало экономической науки в России, первая половина XVIII в. Автореф. дис. на соискание ученой степени д.э.н. М. Доступно на: <http://www.dissercat.com/content/nachalo-ekonomicheskoi-nauki-v-rossii-pervaya-polovina-xviii-v#ixzz2I0oYmTQd>.

Плеханов Г.В. (1925). История русской общественной мысли. Т. 2 / В кн. *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. XXI. М. – Л.: Государственное издательство.

Посошков И.Т. (1951). «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. М.: Издательство АН СССР.

REFERENCES

Kafengauz B.B. (1937). I.T. Pososhkov: life and socio-economic views / In *Pososhkov I.T.* A treatise on poverty and wealth. Moscow: The State Socio-Economic Publishing. (In Russian).

Kafengauz B.B. (1951). I.T. Pososhkov and socio-political literature in the time of Peter I / In *Pososhkov I.T.* «A treatise on poverty and wealth» and other papers. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russian).

Kirdina S.G. (2003). Continuity in the Russian economic thoughts — from Ivan Pososhkov to the institutionalism / In *The essays on the history of the Russian economic thought.* Abalkin L.I. (ed.). Moscow: Nauka Publ. Available at: <http://www.kirdina.ru/doc/public/22august03/1.pdf>. (In Russian).

Nureev R.M. and Latov Yu.V. (2011). When and why have the paths of Russia and Western Europe diverged? A view from institutional economic theory. *Mir Rossii*, vol. 20, no. 4, pp. 24–67. (In Russian).

Platonov D.N. (1989). *Ivan Pososhkov.* Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian).

Platonov D.N. (1997). Origins of economic science in Russia. The first half of the XVIII century. Abstract of dissertation, Dr. econ. sci. Moscow. Available at: <http://www.dissercat.com/content/nachalo-ekonomicheskoi-nauki-v-rossii-pervaya-polovina-xviii-v#ixzz2I0oYmTQd>. (In Russian).

Plekhanov G.V. (1925). History of Russian public thought. Vol. 2 / In *Plekhanov G.V.* Composed papers. Т. XXI. Moscow – Leningrad: The State Publishing. (In Russian).

Pososhkov I.T. (1951). «A treatise on poverty and wealth» and other papers. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russian).